

ЯЗЫКОВАЯ И ЖИЗНЕННАЯ КАРТИНЫ МИРА В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

К. И. Кийченко

Гуманитаристика может быть описана как сфера синтеза повседневного жизненного опыта и теоретического освоения действительности. Она как бы прокидывает мостик между двумя полюсами нашего постижения мира: практическим (деятельностным) и теоретическим (рациональным). Этот мостик состоит из специализированных социальных и гуманитарных дисциплин. Гуманитаристика же выполняет роль «переводчика» описаний реальности с языка повседневности на язык конкретных дисциплин.

Такая позиция позволяет выявить специфическую методологию гуманитаристики, фокусирующую сознание познающего на специфических проблемах повседневной жизни человека. Акцент смещается не к исследованию всеобщих закономерностей, но к исследованию частного, особенного, уникального. Данные установки могут способствовать «реабилитации повседневности», возрождению исследовательского (теоретического) интереса к повседневности. Эту методологию можно условно назвать «антиредукционистской», поскольку она ориентирует на исследование единичного, индивидуального в противовес установкам на универсализм, осуществляющим редукцию сложного мира неклассифицируемых феноменов к голой схеме, а бесконечно разнообразного мира — к единой модели мира. Соответственно постулируется и новый тип рациональности, особый тип суждения о человеке, его индивидуальности, культурной специфике социальных и общественных групп, о взаимоотношениях человека с природной средой. Важнейшее теоретическое положение заключается в том, что, осуществляя подобный методологический сдвиг, мы начинаем рассматривать людей и человеческую деятельность как динамичные бытийственные явления, не детерминированные никакими устойчивыми законами и каузальными связями. Гуманитаристика ставит вопрос о специфике исследования «человека свободного», осуществляя реабилитацию ценностного измерения нашего отношения к действительности (в противовес разумно-прагматическому), и образует комплекс представлений о ценностно-рациональной деятельности человека, «заброшенного» в мир.

Гуманитарные и социальные науки не только описывают и объясняют реальность на языке теории субъекта, но и конструируют возможные миры, создают и пересоздают социальную реальность через конструирование моделей мира (например, в «семантике возможных миров»). Гуманитаристика как бы настраивает на привычном нам фундаменте материального мира «этажи смысла». Особый акцент следует сделать на исследовании специфики языка гуманитаристики, так как принципиально важным является понимание её как коммуникативной сферы всех отраслей и типов научного и вненаучного знания. Посредником в этой коммуникации является язык.

В истории философии XX в. прочно ассоциируется с так называемым «языковым поворотом». Акцент во многих философских исследованиях и концепциях смещается к изучению языка, не сводимого к функции «обслуживания» человеческой деятельности: «...философия всё больше внимания стала уделять языковым проблемам, рассматривая язык во всём многообразии его жизни, а не только как математизированно-логическую конструкцию»¹. Причём «языковой поворот» как культурный феномен коснулся не только философов, но во многом имел и другой источник, иной дисциплинарный центр: в первой половине XX в. идёт бурное развитие лингвистики, наращивается её терминологический и методологический аппарат, накапливается обширнейший эмпирический материал.

Начинается как бы встречное движение лингвистики и философии. Это сближение наиболее отчётливо проявило себя в творчестве Эрнста Кассирера, Мартина Хайдеггера, Ганса-Георга Гадамера, Людвиг Витгенштейна и др. Так рождается специфическая область философских исследований — философия языка, или, в современных терминах, лингвофилософия. «При этом взаимное отталкивание классической метафизики и лингвистической философии в XX в. приводит к образованию своего рода пустого пространства в вопрошании о языке. Философия языка всё более оформляется в школу со своим категориальным и методологическим аппаратом, который становится чуждым для ортодоксальной метафизики. Точно так же и наследие философской классики остаётся для лингвофилософии скорее предметом критики — здесь создаётся явный разрыв в традиции»².

Ключевым достижением лингвофилософии стала постановка вопроса о бытийственном статусе языка, постановка в широчайшем диапазоне: от знаменитого максималистского хайдеггеровского «язык — это дом бытия» до библихинского специфического: «...язык философии — это не предмет и не тема исследования, это то, в чём мы хотим расслышать наш родной язык, заглушённый наружным шумом»³. В различных лингвистических подходах предметами исследования выступают специфические характеристики языка, которые становятся доминантными: у Ф. де Соссюра — системность, у И. А. Бодуэна де Куртенэ — структурность и иерархичность, у Г. Пауля — типологичность, у Н. Хомского язык предстаёт как трансформационно-порождающая грамматика. Все эти достижения лингвистов, разумеется, не могли не повлиять на развитие современной философской мысли, которая и раньше не оставляла данную проблематику в стороне, однако её разработка не была в числе приоритетов большинства философов.

Наверно, оправданным будет сказать, что наибольший вклад в разработку языковых вопросов в рамках классической философии внесли труды Д. Вико, Г. Лейбница, В. Гумбольдта. В них отчётливо видно, что философия стремится к универсальному языку (стремление, унаследованное от метафизики). Достижения философии стали мировоззренческими установками для лингвистов, однако в разработке конкретных вопросов языкознания они всё дальше и дальше уходили от классического философского наследия. Само рождение лингвофилософии привело к разрыву с традицией. Лингвистика индивидуализирует язык, делая невозможным универсальное истинное, всем понятное высказывание. В целом, этот поворот

предопределил и развитие гуманитаристики, её движение по пути индивидуализирующего, уникального и специфического знания.

Указанный разрыв с классикой привёл к появлению двух параллельных традиций (стратегий) вопрошания о языке. Первую из них можно назвать «онтологической» (реалистической), восходящей ещё к средневековой традиции, вторую — «логико-конструктивистской» (номиналистической). Разработка онтологической стратегии в первую очередь связана с именем Мартина Хайдеггера (язык как дом бытия).

Номиналистическая стратегия прежде всего реализовывалась в философствовании Людвиг Витгенштейна («вся философия — это критика речи»⁴) и Уилларда Куайна. Сходные идеи развивал неокантианец Эрнст Кассирер, чьи труды многими исследователями считаются предвестниками семиотического подхода: «Кассирер обнаружил фундаментальную символичность языковых форм, связав язык с основополагающей способностью человека к символизации, наряду с наукой, мифом, искусством. Этот “кантианский” ответ на проблему языка и символа во многом ознаменовал возможности трансцендентального решения поставленной проблемы»⁵. В целом, реализация номиналистической стратегии (например, в рамках аналитической философии) приводит к фокусировке исследовательского внимания на структурно-грамматических аспектах языка. Наилучшим примером является трансформационно-порождающая грамматика Н. Хомского, искавшего пути для чисто количественного описания языка с задействованием аппарата математической и формальной логики.

Некоторые важнейшие положения номиналистического подхода можно вычленивать, опираясь на «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна.

1. Речь должна состоять только из не противоречащих законам логики высказываний. Законы логики фундаментальны и универсальны, и язык подчинён им. «Представить в речи нечто “противоречащее Логике” так же маловероятно, как представить в геометрии посредством её координат фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты точки, которой не существует»⁶.

2. Нарушение универсальных законов логического мышления приводит к тому, что «с лёгкостью возникает основательная путаница, которой наполнена вся философия»⁷. Источник этой «путаницы» заключён в неразграниченности в языке знаков и символов, и, «чтобы избежать этих заблуждений, мы должны использовать некий знаковый язык, который исключал бы применение одинаковых Знаков по отношению к Разным Символам и не применял бы одинаково Знаки, обозначающие по-разному. Этот знаковый язык подчиняется логической грамматике — логическому синтаксису»⁸.

3. Необходимость пользоваться особым знаковым языком подразумевает, что «в логическом синтаксисе Значения Знаков не должны играть никакой роли; он должен предполагать лишь описания выражений, без всякого упоминания о Значении»⁹. Следовательно, по мысли Витгенштейна, в логическом синтаксисе имеет место лишь синтаксическая семантика, а семантика прагматическая места не имеет.

4. Данное понимание логического синтаксиса определяет постулат о принципиальной переводимости языков путём строгих дефиниций. «Дефиниции — это правила перевода с одного языка на другой. Каждая корректная знаковая система должна быть переводима в любую другую в соответствии с этими правилами: и это и есть то, что все они имеют общим»¹⁰. Следовательно, уникальная, неперевоаемая знаковая система, не соответствующая «логической форме», не имеет смысла.

5. Отсюда вытекает специфическое понимание функций философии: она обязана указывать нам на правильное и неправильное употребление языка. Философия «должна устанавливать границу мыслимому и тем самым немислимому. <...> Всё, что вообще может быть помыслено, может быть помыслено ясно. Всё, что возможно высказать, возможно высказать ясно»¹¹.

Этот последний тезис особенно важен для понимания «Логико-философского трактата»: предложение всегда либо истинно, либо ложно — третьего не дано. Вадим Руднев свидетельствует: «Витгенштейн не видит причин для того, чтобы в том, что касается взаимоотношений между языком и Миром, оставались какие-то неясности. Это не значит, что обо всем можно говорить ясно. Правило другое: если об этом абсолютно точно невозможно сказать ясно, значит, это из той области, о которой вообще нельзя сказать никак. То есть либо надо искать пути для ясности, либо оставить попытки передать при помощи семиотических средств то, что при помощи этих средств принципиально неперевоаемо»¹².

Наибольшее значение разработка данных положений имела для оформления к 30-м гг. XX в. «стандартной концепции науки» в рамках позитивистской философии, где впервые были чётко обозначены требования к языку научной теории. Максимально заформализованные требования к научному языку в рамках концепции стандартной науки (в первом её варианте) могут быть выражены в следующих тезисах¹³: язык научной теории строится на базе исчисления предикатов первого порядка с равенством; стандартной частью этого языка являются логические символы, а внелогические символы подразделяются на три группы (словарь логических постоянных, словарь наблюдений, теоретический словарь); терминам теоретического словаря даётся экспликация в терминах словаря наблюдения с помощью правил соответствия¹⁴.

Таким образом, мы видим, что язык науки полностью отмежевается от языка этики, языка философии, обыденного языка, так как не допускает никаких ценностных и неverifiedируемых суждений. Концепция стандартной науки концентрируется на разработке максимально формализованного языка наблюдений и узкоспецифического языка теории. В целом, эти изыскания определили поиски ценностно-нейтральной науки и подходящего языка описаний.

Такие поиски во многом опираются на наработки структуралистов. По Р. Якобсону¹⁵, например, поиски языка науки как раз и являются поисками метаязыка, т. е. языка описания «второго порядка», другими словами, языка, на котором возможно описание языка-объекта.

Именно поиски метаязыка гуманитарных наук обнажили сложность его формализации. В естественных науках и математике метаязык качественно отличается,

так как состоит из формальных символов, кванторов, операторов и т.п. А в гуманитаристике в качестве метаязыка выступает всё тот же естественный язык, различение языка-объекта и языка «второго порядка» становится на практике неразрешимой задачей, решение которой потребовало бы построения системы настолько строгой и сложной, что она вряд ли могла выступать операциональной. Поэтому многие лингвисты и философы, по мере развития и совершенствования своих систем, вынуждены были отказаться от «жестких» моделей языка в пользу более «мягких».

Так, позиция Людвиг Витгенштейна по ряду вопросов претерпела значительные трансформации. В первую очередь он уходит от чрезвычайно узкого понимания языка, свойственного «Логико-философскому трактату». Витгенштейн приходит к заключению, «что основная масса предложений языка несводима к изъяснительному наклонению, а стало быть, в принципе не может быть подвергнута верификации»¹⁶. Во-вторых, доказывает нечто совсем не свойственное его ранним представлениям о языке. Он развивает мысль о том, что язык является социальным явлением, хотя по-прежнему опровергает возможность существования «индивидуального языка».

Мартин Хайдеггер же не стремился к исследованию структурно-грамматических аспектов, для него исключительно важно определение «качественных», «бытийственных» характеристик языка. Для него язык — живая, подвижная стихия, воплощённая в актах говорения. Хайдеггер пишет: «В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то, ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть “мёртвым”? <...> Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью “мирны”, размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу “пространственны”, или это “эмпирическое обстоятельство” экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придётся отказаться от “философии языка”, чтобы спрашивать о “самих вещах”, и оно должно привести себя в состояние концептуально прояснённой проблематики»¹⁷. Из данного фрагмента видно, что Мартину Хайдеггеру претит аристотелева мысль о языке как «орудии мысли», «орудие предполагает изготовленность, завершённость, а язык по своей сути незавершён и открыт»¹⁸.

Переместив вопрос о языке в онтологическую плоскость, Мартин Хайдеггер во многом предопределил основной вектор развития философско-лингвистических поисков в XX в. Так или иначе наше вопрошание о языке в конечном счёте стало сводиться к вопрошанию о его бытийственном (онтологическом) статусе, что нашло отражение в «гипотезе лингвистической относительности», семиотике, лингвистике языкового существования и теории речевой деятельности.

На основе двух обозначенных подходов могут быть сформулированы крайние, предельные оппозиции в подходах к осмыслению проблем языка.

Первая позиция описывает язык как универсальную знаковую систему, ясную и понятную для любого конкретного языка. Любой конкретный язык рассматривается только как частное воплощение универсального (всеобщего языка). Язык в данном случае является сферой чистого смысла, существующей в «метаязыковом

пространстве, как единое и неделимое целое для всех разновидностей этнических языков»¹⁹.

Вторая позиция стремится к лингвистическому солипсизму и описывает язык как конкретно этническое явление. Отсюда вытекает постулат о принципиальной непереводаемости языков. Меняя знаковую систему, мы трансформируем сферу смыслов: одни оказываются привнесёнными (не существующими в исходном языке), другие — утраченными (не существующими в языке, на который осуществляется перевод).

Однако постулирование «закрытости» языка вовсе не означает отсутствие возможности существования всеобщего знания, например, философского. Сергей Аверинцев предельно точно выразил квинтэссенцию разбираемого нами принципа в виде тезиса и антитезиса: «Чем более адекватно мыслитель подходит к символике своего языка, чем более помогает ей развёртывать собственные потенции, тем выше его ранг как мыслителя, тем органичнее его мышление. Поэтому всякий подлинно философский текст принципиально закрыт для перевода». «Критерием для отличия собственно-философского от философского в несобственном смысле должна служить как раз свобода от языковых внушений. Поэтому всякий подлинно философский текст безразличен к языковым и культурным реалиям и принципиально открыт для любого перевода»²⁰.

Схожую позицию выразил современник С. Аверинцева Э. Бенвенист: «...мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык. Различия в философии и духовной жизни состоят в неосознаваемой зависимости от классификации, которую осуществляет наш язык»²¹. Таким образом, мы видим: у многих исследователей акцент смещается в сторону убеждённости в том, что множество языков порождает множество миров, т. е. в сторону онтологического релятивизма²², подлинными основоположниками которого можно считать американских лингвистов Эдварда Сепира и Бенджамена Л. Уорфа — создателей «гипотезы лингвистической относительности»²³. В основе данной концепции лежит утверждение о том, что «не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а, наоборот, наш язык всякий раз по-новому членит реальность. Реальность опосредована языком»²⁴, т. е. язык и его структура определяют мышление и способ познания действительности. Язык разных наций, народов определяет свою, индивидуальную картину мира, понятную внутри языковой реальности народа.

Гипотеза лингвистической относительности во многих своих положениях отталкивается от теоретических построений Гумбольдта²⁵. Например, в одной из своих работ Гумбольдт писал: «Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений»²⁶.

Обозначенные выше концепции, в том числе гипотеза лингвистической относительности, выявили существенные недостатки и упрощения в представлениях о языке как о неизменной логической структуре. Лингвистика языкового существования, восходящая к трудам Бориса Гаспарова, в первую очередь разрабатывалась

как попытка преодоления установок структурализма. Основное положение лингвистики языкового существования заключено в установке на исследование языка как некоей подвижной стихии, которую невозможно зафиксировать и описать в чётких логических структурах. Следовательно, был необходим поиск новых способов исследования языка, новый способ вопрошания о языке. Развивая, как и Сепир с Уорфом, некую преемственность по отношению к теории Гумбольдта, Гаспаров формулирует основные задачи исследования языка, «такой подход к языку, при котором на первый план в качестве первичного объекта изучения выступил бы бесконечный и нерасчленённый поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний»²⁷. Главное при данном подходе — понимание языка как особой среды, в которой мы существуем: «Язык окружает наше бытие как сплошная Среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта Среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности»²⁸.

У Гаспарова практически упраздняется важнейшее для структуралистов (Ф. де Соссюра, Р. О. Якобсона) разграничение языка и речи и появляется новое явление — речевая деятельность, в которой существование языка неотделимо от высказывания. Более того, «основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение с ним, признаётся не языковая рефлексия, но языковая память»²⁹, и далее: «...вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта»³⁰. Речевая деятельность — это сращение, сшивание (в терминах Гаспарова) нескольких коммуникативных фрагментов. Коммуникативный фрагмент — специфическое понятие лингвистики языкового существования, трансуровневая языковая единица: «Коммуникативные фрагменты — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. Коммуникативный фрагмент — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознаёт как целое в высказываниях, поступающих к нему извне»³¹.

Таким образом, для лингвистики языкового существования становится важным введение ещё одного понятия — «коммуникативного шва». «В условиях языкового существования важнейшим приёмом создания более обширных речевых образований служит не соединение, но сращение, или “сшивание”, исходных компонентов языкового материала. Мы будем называть то место в высказывании, по которому проходит такое сращение, речевым швом. Речевому шву принадлежит критически важная роль в превращении готовых, отложившихся в памяти кусков речи в новое целое, впервые создаваемое в данный момент, в данной ситуации речевой деятельности. Успех каждого речевого акта во многом определяется тем, насколько удачно подобраны составляющие коммуникативные фрагменты и найдены приёмы

наложения швов, приводящие к их срастанию»³². Сама возможность сшивания коммуникативных фрагментов в единое целое обеспечивается их особыми свойствами: «“Рыхлость” границ фрагмента, способность его пластично изменять очертания создаёт предпосылку для тех срастаний и растворов, которые происходят с ним в высказывании»³³.

Представляется, что Гаспаров ближе многих лингвистов подошёл к пониманию (именно к пониманию, а не объяснению!) механизмов порождения речи. Думается, лингвистика языкового существования — очень перспективное направление в лингвофилософии, и многие её установки могут успешно развиваться.

¹ Григорьев А. А. Между философией и лингвистикой: локус концепта // Постижение культуры. М., 2001. Вып. 11. С. 224.

² Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 125.

³ Бибихин В. В. Язык философии. М., 2002. С. 11.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005. С. 88.

⁵ Григорьев А. А. Между философией и лингвистикой... С. 230.

⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 56.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Цит. по: Витгенштейн Л. Избранные работы. С. 106.

¹³ См.: Suppe F. The search for philosophic understanding of scientific theories. Urbana, 1974.

¹⁴ Цит. по: Огурцов А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008. С. 13.

¹⁵ См.: Jakobson R. Linguistics and poetics. N.-Y., 1960. P. 353–357.

¹⁶ Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 29.

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2003. С. 193–194.

¹⁸ Григорьев А. А. Между философией и лингвистикой... С. 231.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 374.

²¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 36.

²² См., например: Quine W. V. O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185–212.

²³ Речь идёт о работах Э. Сепира «Язык. Введение в изучение речи» (1921), «Грамматист и его язык» (1924), «Статус лингвистики как науки» (1929) и Б. Л. Ворфа «Отношение норм поведения и мышления к языку», «Наука и языкознание» (обе работы написаны в 1930-е гг., впервые опубликованы в 1956 г.).

²⁴ Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. С. 99.

²⁵ См.: Humboldt W. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1963.

²⁶ Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984, С. 319.

²⁷ *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 5.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Там же. С. 119.

³¹ Там же. С. 118.

³² Там же. С. 169.

³³ Там же.